

Ведьма из Сызрани

ДЕСЯТАЯ
КНИГА
О ВЕДЬМЕ
ИЗ СЫЗРАНИ

● ПРЯМОЙ ЭФИР

ГОНОРАР
СМЕТАНОЙ

СЫЗРАНЬ
В ЭФИРЕ

СХВАТКА
ЯСНОВИДЯЩИХ:
ПРОВИНЦИЯ

Милана Панова

Ведьма из Сызрани. Прямой эфир

«Автор»

2026

Панова М.

Ведьма из Сызрани. Прямой эфир / М. Панова — «Автор», 2026

Федеральный телеканал снимает в Сызрани реалити-шоу «Схватка ясновидящих: Провинция». Ведьма Василиса сниматься отказалась, поэтому съёмочная группа арендовала дом напротив и навела камеры на её окна. Беда в том, что настоящая магия на камеру не попадает. Дочка поднимает в воздух качели — на записи они стоят. Василиса находит пропавшее кольцо — на записи она просто сидит и смотрит. Зато отлично получается кот Модест: через три дня он звезда интернета и требует гонорар сметаной. Продюсер в розовом пиджаке достаёт из кармана старинный флакон с духом иллюзий — для спецэффектов. Флакон разбивается. Наутро Спасская башня становится розовой, на набережной вырастают пальмы, соседский петух поёт Верди, а у участкового вместо «УАЗика» — «Феррари» с мигалкой. До прямого эфира на всю страну — неделя. Продюсер готовит финал с «настоящим водяным». А настоящий водяной уже обиделся. Десятая книга о ведьме из Сызрани.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сглаз на «Ладу»	5
Глава 2. Съёмочная группа	7
Глава 3. Неснимаемое	10
Глава 4. Мадам Изольда	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Милана Панова

Ведьма из Сызрани. Прямой эфир

Глава 1. Сглаз на «Ладу»

В июне две тысячи тридцать первого года к Василисе пришли снимать сглаз с автомобиля.

Клиентку звали Регина Валерьевна. Сорок восемь лет, бухгалтер управляющей компании «Уют-Сервис», маникюр цвета «спелая вишня», сумочка из кожи неизвестного происхождения. Она вошла на кухню, села на табуретку и сказала с порога:

— Мою машину сглазили.

— Какую машину? — спросила Василиса.

— «Ладу Весту». Белую. Новую. Три месяца. — Регина Валерьевна поджала губы. — Соседка сглазила. Тамарка. С третьего подъезда. Она завидовала. Она на «Калине» ездит. Восемнадцатого года.

— А в чём сглаз?

— Машина катится, — сказала Регина Валерьевна. Трагическим шёпотом. — Сама. Я её ставлю у подъезда — а утром она в другом месте. Метров на десять дальше. Вниз по улице. — Пауза. — Три раза уже. Один раз в мусорный бак уехала. Один — в «Жигули» соседа с первого этажа. Он мне теперь не здороваются.

Модест на печке открыл один глаз.

— А улица под горку? — спросил он.

Регина Валерьевна, разумеется, услышала «мяу». Но Василиса услышала.

— А улица у вас — под горку? — переспросила Василиса.

— Ну... — Регина Валерьевна задумалась. — Немножко. Как у всех в Сызрани. Тут всё под горку.

— А ручник вы поднимаете?

Регина Валерьевна посмотрела на неё с выражением глубокой обиды.

— Какой ещё ручник? Это же новая машина. Автомат. Я ставлю на «Р».

Модест на печке медленно закрыл глаз.

— «Р», — сказал он с безграничной тоской. — Двести двадцать один год. А ко мне с «Р» приходят.

Василиса посмотрела на нитки. Нитка от Регины Валерьевны к машине — тёплая, гордая, новенькая. От Регины Валерьевны к соседке Тамарке — серая, перекрученная, колючая. Зависть. Только — не Тамаркина. Регины Валерьевны. Это она завидовала Тамарке. У Тамарки — «Калина» восемнадцатого года, муж, трое внуков и сад на седьмом километре. А у Регины Валерьевны — «Веста», три месяца, и никого.

— Регина Валерьевна, — сказала Василиса. — Снимем сглаз. Обязательно. Но нужен обряд.

— Какой?

— Каждый вечер, — сказала Василиса очень серьёзно, — когда ставите машину, вы должны трижды произнести: «Стой, родная, стой». И потянуть вот за эту ручку между сиденьями. До щелчка. — Пауза. — Это заговорённая ручка. Её на заводе специально ставят. Для защиты от сглаза.

Регина Валерьевна смотрела на неё. Потом медленно кивнула.

— А почему мне в салоне не сказали?

— Не все знают, — сказала Василиса. — Это старинное. — И добавила: — А в субботу сходите к Тамаре. С пирогом. Скажите, что машина у вас катится. Она вам расскажет, как она со своей «Калиной» в девятнадцатом году в забор въехала. Она всем рассказывает.

— Откуда вы знаете?

— Я ведьма, — сказала Василиса.

Регина Валерьевна ушла. Задумчивая. Через неделю Люда из «Продуктов 24» рассказала, что Регина Валерьевна и Тамара из третьего подъезда сидели вдвоём на лавочке у подъезда и смеялись так, что слышно было на всю улицу. А «Веста» больше не каталась.

Василиса записала в Гроссбух: «Регина В. Машина катится. Ручник. Зависть — не та, что она думала. Пирог для Тамары. Оплата: обещала банку компота».

Модест на печке сказал:

— Когда я был молодой, к Марфе приходили, потому что корова не доится. А теперь — потому что ручник не поднимают.

— Прогресс, — сказала Василиса.

— Деградация, — сказал Модест.

Телефон зазвонил в тот же день. В четыре часа. Номер — московский.

— Василиса Андреевна Шмелёва-Круглова? — спросил женский голос. Звонкий. Быстрый. С такой энергией, что Василиса отодвинула трубку от уха. — Здравствуйте! Меня зовут Жанна Блеск! Я — генеральный продюсер телеканала «Чудо-ТВ»! Вы нас наверняка смотрите!

— Нет, — сказала Василиса.

— Ничего страшного! — сказала Жанна Блеск, не сбавляя темпа. — Нас смотрят четырнадцать миллионов человек! Наш флагман — шоу «Схватка ясновидящих»! Двенадцатый сезон! — Пауза для вдоха. — Василиса Андреевна, мы снимаем новый проект. «Схватка ясновидящих: Провинция». Настоящие ведьмы. Настоящие города. Настоящая магия. — Ещё пауза. — И мы хотим вас.

Василиса посмотрела на Модеста. Модест посмотрел на Василису.

— Нет, — сказала Василиса.

— Вы даже не дослушали! — Жанна Блеск засмеялась. Звонко. Как колокольчик, который бьют молотком. — Гонорар — триста тысяч за серию! Восемь серий! Финал — прямой эфир! На всю страну! — Пауза. — Вы станете звездой, Василиса Андреевна. Ведьма из Сызрани. Я уже вижу заставку.

— Нет, — сказала Василиса. — Спасибо. Я не снимаюсь.

— Почему?!

Василиса подумала, как объяснить.

— Потому что магия — это не шоу, — сказала она. — Это работа. С людьми. Тихо. На кухне. — Пауза. — Её нельзя снять.

— Всё можно снять, — сказала Жанна Блеск. Уверенно. — Поверьте мне. Я двенадцать сезонов снимаю. Всё можно снять. Было бы что. — Пауза. — Вы подумайте. Я перезвоню.

И отключилась.

— Не перезвонит, — сказала Василиса.

— Перезвонит, — сказал Модест.

— Почему?

— Потому что она сказала «было бы что», — сказал кот. — Такие не перезванивают. Такие приезжают.

Глава 2. Съёмочная группа

Они приехали через три дня.

В шесть утра. Василиса проснулась от того, что по Верхне-Кирпичной ехали машины. Много машин. Тяжёлых. С рёвом. Она подошла к окну.

По улице, на которой обычно в шесть утра проезжал только Михеич на велосипеде за кефиром, ползла колонна. Три белых микроавтобуса с надписью «ЧУДО-ТВ» и логотипом — фиолетовый глаз в золотых лучах. Грузовик с генератором. Ещё один грузовик — со светом. Чёрный «Мерседес». И фургон с надписью «КЕЙТЕРИНГ».

Колонна остановилась у калитки дома тринадцать.

Из «Мерседеса» вышла женщина.

Лет сорока. Маленькая. Худая. Быстрая. В ярко-розовом брючном костюме. В огромных солнечных очках — в шесть утра. С платиновыми волосами, уложенными так, что они не шевелились даже на ветру. С двумя телефонами — в каждой руке по одному. Говорила в оба одновременно.

— Да. Да. Нет. Свет сюда. Камеру сюда. Петя, ты где? Петя! — Она огляделась. Увидела дом. Сняла очки. Посмотрела. — О-о-о. О-о-о-о. Наличники. Резные. Это прекрасно. Это — заставка. — Она повернулась к микроавтобусам. — Петя! Сними наличники! Крупно! Пока солнце!

Из микроавтобуса вылез парень. Лет двадцати пяти. Тощий. Лохматый. В растянутой футболке с надписью «Я не сплю, я рендерю». С огромной камерой на плече. С выражением лица человека, который не спал трое суток и смирился с этим.

— Снимаю, Жанна Аркадьевна, — сказал он.

Из второго микроавтобуса вылезли ещё люди. Человек пятнадцать. Звукорежиссёр с удочкой-микрофоном. Две девушки с чемоданами — гримёры. Мужчина с рацией. Мужчина со стрелянкой. Мужчина с огромными белыми зонтами.

А из третьего — вышел он.

Высокий. Статный. Лет пятидесяти. С гривой седых волос до плеч. С бородкой клиныш-ком. В чёрном бархатном плаще до пят. С перстнями на всех пальцах. С посохом — чёрным, с хрустальным шаром наверху. С лицом, которое Василиса где-то видела. По телевизору. В рекламе.

Он вышел из микроавтобуса. Встал посреди Верхне-Кирпичной. Раскинул руки. Посмотрел в небо.

— Чую! — сказал он. Глубоким, рокочущим голосом. Как диктор в трейлере к фильму ужасов. — Чую силу! Древнюю! Тёмную! Здесь! В этом доме!

Петя с камерой снимал.

Мужчина в плаще повернулся к калитке. Простёр руку с посохом.

Из посоха пошёл дым. Фиолетовый. Густой. С блёстками.

Хрустальный шар засветился. Тоже фиолетовым.

Модест на подоконнике рядом с Василисой смотрел на это. Долго.

— Это что? — спросил он.

— Не знаю, — сказала Василиса.

— У него в посохе дымовая шашка, — сказал Модест. — Я чую. Китайская. Из «Фикс Прайса». — Пауза. — А в шаре — светодиод. На батарейках.

Жанна Блеск подошла к калитке. Нажала на звонок. Калитка пропела длинную, выразительную, крайне недовольную ноту. Василиса никогда не слышала, чтобы калитка так пела. Это было похоже на «уходите».

— Василиса Андреевна! — крикнула Жанна Блеск. — Мы приехали! Открывайте!

Василиса вышла на крыльцо. В бабушкином халате. С растрёпанными волосами. С чашкой чая.

— Я же сказала — нет, — сказала она.

— Вы сказали — магию нельзя снять, — сказала Жанна Блеск. Широко улыбаясь. — Мы приехали проверить. — Она обвела рукой колонну. — Пятнадцать человек. Три камеры. Свет. Звук. Кейтеринг. — Пауза. — И Аристарх.

Мужчина в плаще поклонился. Глубоко. С развевающейся гривой.

— Аристарх Великий, — сказал он рокоочущим голосом. — Потомственный маг в седьмом поколении. Ведущий «Схватки ясновидящих». Двенадцать сезонов.

— Вы наверняка его видели, — сказала Жанна. — Он в рекламе шампуня от перхоти снимался.

— «Перхоть уходит — сила остаётся», — сказал Аристарх. Тем же голосом. Не меняя выражения лица.

Василиса стояла на крыльце. С чашкой.

— Жанна... — сказала она.

— Аркадьевна.

— Жанна Аркадьевна. Я не буду сниматься.

— А вам и не надо, — сказала Жанна Блеск. И улыбнулась ещё шире. — Вы просто живите. Как обычно. Клиенты. Кот. Заговоры. А мы — поснимаем. Документально. Реалити, понимаете? — Пауза. — Мы арендовали дом напротив. На месяц. У... — она посмотрела в телефон, — у Зинаиды Павловны Уткиной-Бобровой. Очень приятная женщина. Сдала за тридцать тысяч. Сказала — «на кассу взаимопомощи пойдёт».

Василиса посмотрела через улицу. На дом Зинаиды Павловны.

Зинаида Павловна стояла у своей калитки. В халате. С блокнотом. Увидела Василису — развела руками. Мол — что я могла сделать. Тридцать тысяч. На кассу.

— И ещё, — сказала Жанна Блеск. — Улица — общественное место. Снимать на улице разрешение не нужно. — Она посмотрела на Петю. — Петя. Снимай дом. С улицы. Весь день.

— Снимаю, Жанна Аркадьевна, — сказал Петя.

И сел на складной стульчик у калитки. С камерой. Объективом — на окна.

Первым сломался Фрол Евсеич.

Он увидел камеру из-за печки. Через окно. Объектив. Красный огонёк записи.

— Это чего? — спросил он. Шёпотом.

— Камера, — сказала Василиса. — Телевидение.

Фрол Евсеич побелел. Насколько может побелеть домовый.

— Телевидение? — переспросил он. — Как Первый канал?

— Похоже.

— Меня — по телевизору? — Домовой медленно отступил за печку. Глубже. В самый угол. — Нет. Нет, девка. Я двести шестьдесят лет за печкой. Меня никто не видел. Я по телевизору — не буду. Я его смотрю. А в нём — не буду.

— Фрол Евсеич, вас не видно. Вы же домовый.

— А вдруг видно? — сказал Фрол Евсеич из угла. — Сейчас техника — знаешь какая? Мне по Первому показывали. Сквозь стены видят. Тепловизоры. — Пауза. — Я лягу. Под печку. Пока не уедут.

И лёг. Под печку. На месяц.

Устя носила ему туда еду. И телевизор — маленький, переносной, Егор купил. Фрол Евсеич лежал под печкой и смотрел «Поле чудес». Говорил, что так спокойнее.

Вторым сломался Модест.

Только в другую сторону.

Он посмотрел на камеру через окно. Долго. Задумчиво.

Потом спрыгнул с подоконника. Вышел на крыльцо. Медленно. По-генеральски. Прошёл по дорожке к калитке. Сел на столб калитки. Прямо напротив объектива.

Обвил лапы хвостом. Выпрямился. Белая манишка — на солнце. Жёлтые глаза — в камеру.

Петя за камерой замер.

— Жанна Аркадьевна, — сказал он в рацию. — Тут кот. Он... он позирует.

— Снимай кота! — завизжала рация. — Крупно! Это же кот ведьмы! Это же — образ! Снимай!

Петя снимал.

Модест сидел на столбе калитки. Неподвижно. Час. Два. Поворачивал голову — медленно, величественно — то в профиль, то анфас. Иногда зевал — широко, во всю пасть, показывая все двадцать шесть зубов. Иногда вылизывал лапу — с таким достоинством, как будто это был государственный ритуал.

Петя снимал. Не отрываясь.

К обеду вокруг калитки собрались соседи. Смотрели на кота. На Петю. На камеру.

— Он что, звезда теперь? — спросила тётя Шура с козами.

— Похоже, — сказала Люда из «Продуктов 24».

Вечером Модест вернулся в дом. Залез на печку. Лёг.

— Ну? — спросила Василиса.

— Двести двадцать один год, — сказал Модест. Задумчиво. — Меня рисовали — Марфа однажды. Углём. На стене. Плохо. Меня фотографировали — Агафья. В семьдесят девятом. На «Зенит». Я там размытый. — Пауза. — Меня никогда не снимали в профессиональном свете.

— И как?

Модест подумал.

— Мне понравилось, — сказал он. — Это неправильно. Но мне понравилось.

Глава 3. Неснимаемое

Через неделю Жанна Блеск пришла в ярость.

Василиса узнала об этом от Пети. Он сидел у калитки на складном стульчике, ел бутерброд из кейтеринга и выглядел так, будто его только что били.

— Она сказала — «ничего нет», — сказал он. — Неделя материала. Сорок часов. А там — ничего.

— Как ничего? — спросила Василиса. — Вы же снимали. Клиентов. Меня. Кота.

— Кот — есть, — сказал Петя. — Кот — шикарный. Кот — сорок часов. Жанна Аркадьевна говорит, из кота можно отдельный сериал смонтировать. — Он откусил бутерброд. — А всё остальное — нет.

— Что — остальное?

Петя посмотрел на неё. Долго. Усталыми глазами.

— Василиса Андреевна, — сказал он. — Можно я вам кое-что покажу?

Он открыл ноутбук. Повернул к ней.

Видео. Кухня. Её кухня — Петя снимал через окно. Регина Валерьевна на табуретке — нет, другая клиентка, вчерашняя, бабушка с Монгоры, которая просила найти пропавшее кольцо. Василиса сидит напротив. Смотрит. Потом — поднимает руку. Касается чего-то в воздухе.

Василиса помнила. Она тогда тянула нитку. От бабушки — к кольцу. Нитка была тонкая, тусклая, уходила куда-то в сторону бабушкиного дома, к щели под плинтусом. Василиса держала её в руке — и видела. Ясно. Золотую. Натянутую.

На видео — Василиса просто подняла руку и подержала её в воздухе. Пустом. Ничего.

— Вот, — сказал Петя. — Вы руку поднимаете. Держите. Минуту. Потом говорите — «под плинтусом в спальне, у окна». — Пауза. — А бабушка потом звонит — нашла. Под плинтусом. У окна.

— И?

— И это — ничего, — сказал Петя. — Для телевизора. Женщина подняла руку. Женщина сказала. Бабушка нашла. — Он закрыл ноутбук. — Жанна Аркадьевна говорит — так любая гадалка может. Подсадная бабушка. Нужны — спецэффекты. Свечение. Дым. Магия. — Пауза. — А у вас — ничего не видно. Ничего не светится. Ничего не дымит. Вы просто сидите и смотрите.

Василиса молчала.

— А дети, — сказал Петя. Тише. — Ваша дочка. Вчера. Во дворе.

Василиса напряглась.

Вчера Гаша — три года, четыре месяца — поднимала в воздух качели. Не качалась на них — поднимала. Всю конструкцию. Вместе со столбами. На полметра. Потому что качели скрипели, а ей не нравилось. Поддержала. Опустила. Качели перестали скрипеть.

Петя это снимал. Василиса видела.

— Я это снимал, — сказал Петя. — Я видел. Своими глазами. Качели — в воздухе. Вместе со столбами. — Он открыл ноутбук. Нашёл файл. Повернул к ней.

На видео — двор. Гаша у качелей. Смотрит на них. Хмурится.

Качели стоят на месте.

Гаша отворачивается. Уходит. Качели — на месте. Не поднимались. Ни на сантиметр.

— Я видел, — повторил Петя. Почти шёпотом. — Я своими глазами видел. Они висели. А на записи — стоят. — Он посмотрел на неё. — Я три раза камеру проверял. Камера в порядке. Я на неё всё что угодно снимаю. Кота — снимаю. Вас — снимаю. Наличники — снимаю. — Пауза. — А это — не снимается.

Василиса долго смотрела на экран.

На Гашу у неподвижных качелей.

— Настоящее не снимается, Петя, — сказала она наконец. Тихо.

Петя посмотрел на неё.

— Что?

— Магия, — сказала Василиса. — Настоящая. Её нельзя снять. Записать. Сфотографировать. — Пауза. — Её можно только увидеть. Своими глазами. Тут. Сейчас. — Она помолчала. — Бабушка тоже так говорила. Я думала — она про что-то другое.

Петя долго молчал. Смотрел на экран.

— А кота — снимаю, — сказал он наконец.

— Кот — настоящий, — сказала Василиса. — Но он не колдует. Он просто кот. Очень красивый.

С подоконника донеслось:

— Я слышал.

Жанна Блеск пришла вечером. Сама. Без камеры. С бутылкой вина и коробкой конфет. Села на кухне. Без приглашения. На табуретку. Положила телефоны на стол. Оба. Экранами вниз.

— Василиса Андреевна, — сказала она. — Давайте честно.

Модест на печке поднял голову. С интересом. Он любил, когда люди говорили «давайте честно». Обычно после этого ввали особенно увлекательно.

— У меня — сорок часов материала, — сказала Жанна Блеск. — Сорок часов. Пятнадцать человек. Неделя. Шесть миллионов рублей бюджета. — Она сняла очки. Без очков у неё было усталое, немолодое, умное лицо. — И у меня нет шоу. Есть кот. Кот — гениальный. Но я не могу восемь серий показывать кота.

— Почему нет? — спросил Модест с печки.

Жанна Блеск, разумеется, услышала «мяу». Посмотрела на кота. Чуть-чуть улыбнулась. Устало.

— Мне нужна магия, — сказала она. — Видимая. Чтобы зритель увидел — и ахнул. — Пауза. — А у вас её — нет.

— У меня она есть, — сказала Василиса. — Её просто не видно на камере.

— Это одно и то же, — сказала Жанна Блеск. — Для телевизора. Чего не видно на камере — того нет. — Она открыла бутылку вина. Налила себе в чайную чашку. Отпила. — Я двенадцать сезонов снимаю «Схватку». Двенадцать. Знаете, сколько настоящих ведьм у меня было?

— Сколько?

— Ни одной, — сказала Жанна Блеск. — Все — актёры. Или сумасшедшие. Или и то и другое. — Она отпила ещё. — А шоу — смотрят. Четырнадцать миллионов. Потому что у нас — дым. Свечение. Музыка. Монтаж. — Пауза. — Зрителю не нужна настоящая магия, Василиса Андреевна. Зрителю нужна красивая.

Василиса смотрела на неё.

— А вы? — спросила она. — Вам какая нужна?

Жанна Блеск помолчала. Покрутила чашку в руках.

— Мне нужен рейтинг, — сказала она. — Канал продают. В сентябре. Новому владельцу. Если «Схватка: Провинция» не даст рейтинг — меня уволят. В сорок три года. — Пауза. — Двадцать лет на телевидении. Больше я ничего не умею.

На кухне было тихо.

Потом Жанна Блеск сунула руку в карман розового пиджака. Достала что-то. Поставила на стол.

Флакон.

Маленький. Хрустальный. Гранёный. Как флакон старинных духов. С серебряной крышкой в виде лилии. Внутри — что-то переливалось. Перламутровое. Радужное. Как мыльный пузырь. Как бензиновая плёнка на луже. Оно двигалось. Медленно. Кружилось внутри флакона. Как будто дышало.

На флаконе — этикетка. Старая. Выцветшая. Каллиграфическим почерком: «МОРОКЪ. Не открывать при свидѣтеляхъ».

Модест на печке медленно поднялся. Шерсть встала дыбом. Вся. Сразу.

Из-под печки донёлся сдавленный голос Фрола Евсеича:

— Девка. Девка. Убери это. Убери.

— Это что? — спросила Василиса.

— Это, — сказала Жанна Блеск, — наш главный спецэффект. — Она погладила флакон. Нежно. Как кошку. — Мне его продал один человек. В Москве. В девятнадцатом году. Старичок. В антикварной лавке на Арбате. Сказал — «если нужно, чтобы люди увидели то, чего нет, — откройте и попросите». — Она улыбнулась. — Я двенадцать сезонов открываю. Чуть-чуть. На секунду. Перед камерой. И — всё светится. Всё дымится. Всё летает. Камера снимает. Зритель ахает.

— Это не спецэффект, — сказала Василиса. Тихо.

— А что?

Модест на печке тихо сказал:

— Морок. Наваждение. — Пауза. — Его черти по банкам закатывают. Чтобы людям глаза отводить. — Он посмотрел на Василису. — Ерёма знает. Спроси Ерёму.

Жанна Блеск, разумеется, услышала «мяу». Длинное, тревожное «мяу».

— Ваш кот его не любит, — сказала она. — Все коты не любят. У меня на съёмках кошка гримёрши под стол залезает, когда я открываю.

— Жанна Аркадьевна, — сказала Василиса. — Не открывайте его здесь. Пожалуйста.

Жанна Блеск посмотрела на неё. Долго. Умными, усталыми, без очков глазами.

— Василиса Андреевна, — сказала она. — У меня шесть миллионов бюджета, пятнадцать человек и восемь серий. И сорок часов кота. — Она убрала флакон в карман. — Я его открою. На съёмках. Чуть-чуть. Как всегда. — Пауза. — С вашим участием или без.

Она встала. Взяла телефоны. Надела очки.

У двери обернулась.

— Спасибо за честность, — сказала она. — Вы — первая настоящая. За двенадцать сезонов. — Пауза. — Жаль, что не видно.

И ушла.

Из-под печки вылез Фрол Евсеич. В пыли. Бледный.

— Девка, — сказал он. — Это — морок. Я его знаю. Его в девятнадцатом веке в Москве черти держали. В табакерках. Для ярмарок. — Он помолчал. — Если он вырвется — беда. Весь город с ума сойдёт. Никто не будет знать, что правда, а что кажется.

Модест на печке медленно опустил шерсть.

— Она его откроет, — сказал он. — Она сказала.

— Сказала, — согласилась Василиса.

— И что ты будешь делать?

Василиса подумала.

— Позвоню Еремею Касьяновичу, — сказала она.

Глава 4. Мадам Изольда

Еремей Касьянович приехал в четверг. Как всегда. С пересадкой в Ульяновске.

Он вошёл на кухню, снял котелок, сел на лавку и сказал:

— Морок. Знаю. Сударыня, это — Мороша.

— Кто?

— Мороша, — повторил Еремей. — Ну, так его звали на ярмарках. Морок Обманыч. — Он затынулся. — Мелкий. Шустрый. Весёлый. Из наших — из чертей. Только не по договорам. По видимости. — Пауза. — Ему главное — чтобы ахнули. Чтобы смотрели. Чтобы хлопали. Он за аплодисменты — что угодно сделает. Корову в лошадь превратит. Лужу — в озеро. Купчиху — в царевну. На пять минут.

— А потом?

— А потом — обратно, — сказал Еремей. — Морок держится, пока смотрят. Перестали смотреть — всё вернулось. Корова. Лужа. Купчиха. — Он помолчал. — Его в тысяча восемьсот девяностом году один московский колдун поймал. Яков Ефимыч. Арбатский. В флакон закатал. Продавал — фокусникам, циркачам, ярмарочным. На вечер. В аренду. — Еремей покачал головой. — Сто сорок лет в флаконе. Сто сорок лет — по чужим рукам. На пять минут выпустят — «ах!» — и обратно.

— Жанна его открывает перед камерой, — сказала Василиса. — На секунду.

— Вот, — сказал Еремей. — И он за эту секунду — всё светит, всё дымит, всё летает. Камера снимает. Потому что морок — не магия. Морок — это картинка. Его видно. — Пауза. — А настоящее — не видно. Настоящее — внутри.

— Что будет, если он вырвется?

Еремей Касьянович долго молчал.

— Сто сорок лет в флаконе, голубушка, — сказал он наконец. — На пять минут выпускали. — Он посмотрел на неё поверх монокля. — Если он вырвется насовсем — он будет делать то, что умеет. Везде. Сразу. Пока на него смотрят. — Пауза. — А в Сызрани на него будут смотреть все.

Шоу началось в понедельник.

Жанна Блеск выбрала формат. «Битва». Василиса против соперницы. Испытания. Голосование зрителей. Финал — прямой эфир. На День города. Двенадцатого июня. На набережной.

Соперницу привезли из Москвы.

Мадам Изольда. Пятьдесят пять лет. Рыжая — крашеная, огненно-рыжая, с начёсом. В чёрном платье в пол. В шали с бахромой. С перстнями — больше, чем у Аристарха. С гипнотическим взглядом — она делала его, слегка выкатывая глаза и не моргая. Говорила с лёгким цыганским акцентом, который, как потом выяснилось, был поставлен на курсах актёрского мастерства в Подольске. Настоящее имя — Людмила Петровна Козлова. Двенадцать лет в «Схватке ясновидящих». Три победы.

Она вошла на Верхне-Кирпичную, как на сцену. Остановилась у калитки. Простёрла руки.

— Чую! — сказала она. — Чую... кошку!

Модест на столбе калитки посмотрел на неё. Долго.

— Это я, — сказал он. — Тут и чуют нечего. Я на виду сижу.

Мадам Изольда, разумеется, услышала «мяу».

— Кошка говорит со мной! — сказала она. Выкатив глаза. — Она говорит... она говорит, что в этом доме — тёмная сила!

— Я говорю, что у тебя тушь потекла, — сказал Модест.

Петя за камерой подавился смехом. Он, кажется, начинал понимать кота. Или просто видел тушь.

Первое испытание было — «найти спрятанное».

Жанна Блеск придумала его сама. В одном из домов на Верхне-Кирпичной — у Люды из «Продуктов 24», она согласилась за пять тысяч — спрятали предмет. Обручальное кольцо Люды. Ведьмы должны найти. По очереди. Кто быстрее.

Мадам Изольда пошла первой.

Она вошла в дом Люды. С камерой. С Аристархом — он комментировал. «Мадам Изольда входит в дом... Она чувствует... Она ищет энергетический след...»

Мадам Изольда ходила по дому. Касалась стен. Закрывала глаза. Бормотала что-то на непонятном языке. Подходила к шкафам. Отходила. Подходила к комоду. Замирала. Выкатывала глаза.

— Здесь! — сказала она. — Кольцо здесь! В комод! Во втором ящике! Под бельём! Открыли. Кольцо было во втором ящике. Под бельём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.